

«РАСКРАШУ ВСЕХ ЭТИХ МОНАРХИСТОВ И ФАШИСТОВ»

Неопубликованное до сих пор письмо которое печатается ниже с сокращениями. Любезно представлено нам дочерью артиста И. Ф. Шаляпина. В нем Федор Иванович ясно и решительно высказывает свою ненависть и отвращение к фашиствующим белоэмигрантам.

9 мая 1936 года. Токио.

Арина, моя милая! Позавчера получил твое письмо с вырезкой из «Известий» и веточкой вербы — не скрою — мне было приятно увидеть, как хорошо вспомнил обо мне Сосновский. — Я тоже помню его, и он в памяти моей стоит хорошо — милый и умный парень! — Но... читая эту статью об «Артистах своей страны» — я с грустью прочитал заключительную фразу: «Потому что в конце концов разве Шаляпин свой человек всем этим французским и иным ценителям его таланта?» Да, конечно, чужой! еще был — Но как же тут разобраться? Знаешь ли эта фраза, что в России я нужен? Если да, то как же это?..

Ты пишешь: «прояви инициативу». Какую? Вот Давыдов А. М. тоже писал мне: «Сходи в полпредство, попросись, тебе все сделают». Да еще неизвестно, что мне может сказать полпред? А вдруг он пошлет меня к чертовой матери. Конечно, это, может быть, и не будет обидно, но будет очень досадно и печально.

...Меня обложули как хотели за мою сердечную помощь несчастным детишкам в Париже, развенчали, можно сказать, денационализировали, а ты теперь пишешь «прояви инициативу»...

Ну, а теперь расскажу тебе кое-что из моих смешных и даже обидных приключений. — Я уже сказал, что в Японии встретили меня с музыкой, даже (удивительно) школьник и школьница в их мундирчиках толпами пришли встретить на пристань. — Но после я поехал в Китай, то есть в Шанхай — и после в Манчжурю, то есть в Харбин. По дороге во всяком городе встречали меня русские — к чему бы? Но позже я заметил, что в моем лице им хотелось бы видеть императора — так и говорили: «Царя у нас нет, остались только Вы, Федор Иванович!» — Это мне показалось и смешным и, скажу прямо, отвратительным. Поэтому стал я как можно больше сторониться и приемов, и банкетов, и проч. церемоний. Но вот так штука — вдруг узнаю: в Харбине выработана программа встречи: на вокзале музыка, приветственные слова в парадных поклонах и не-

медленное путешествие в собор, где встречает духовенство. — На другой же день, по программе, я должен был посетить все учебные заведения и т. д.

На счастье (хотя болезнь всегда несчастье) я захворал, да и на вокзале выказал себя довольно сурово и недоброжелательно — некоторое время они все верили, что я «ихний», то есть или монархист, или фашист. — Однако когда увидели мое почти дерзкое к ним отношение, то переменили фронт и начали «деликатно» меня уже поносить — и не будь я протезирован японцами, загнали бы меня ко всем чертям. — Впрочем, это хамская часть населения, мечтающая отомстить большевикам, другая же часть, так сказать поэтическая и мечтательная — была счастлива без всяких политических выкриков просто меня послушать — и я, несмотря на то, что был простужен, пел им прекрасно. — На третий концерт милые женщины усыпали всю сцену цветами, и я, как по ковру, ходил.

Кончилось! — Еду в Пекин, Тяньцзинь и Шанхай — на вокзале уже человек 15 — не больше. Нет фашистов, нет монархистов, просто люди, любящие меня, артиста, пришли поцеловаться.

Приехал в Шанхай — два концерта полных и, конечно, успех! Но к третьему концерту (получили сведения из Харбина) — прокламации — «ни одного цента на концерт Шаляпина! Он — враг эмиграции!» — Когда я это узнал, то утром в день этого самого концерта сел на паром, да и был таков. Черт с вами, не желаю ни за какие деньги петь вам...

Видишь, какой я капризуля.

Ну, пока довольно, это только кое-что, а я вот буду писать третью книжку о театре, искусстве вообще и о моих впечатлениях и путешествиях — вот там уж я их, с сынов, раскрашу — всех этих монархистов и фашистов. — Между нами говоря, эта сволочь «неестественная»!

Мне было приятно знать, что мои пластинки доставляют кое-какое удовольствие, особенно если слушатели еще и актеры — поклонись им и скажи, что при всяких моих грубостях, я всегда люблю актеров, несмотря на то, что в развенчивании меня 90% участия было актерского. Целую тебя и желаю здоровья. Я огорчен, что ты хворашешь.

Твой папуля.

КОММЕНТАРИЙ

О ГАСТРОЛЯХ Ф. И. Шаляпина на Дальнем Востоке в 1936 году написано несколько воспоминаний (Н. Ильина, Ю. Штраус, А. Вертинский, Н. Кобцев). В них говорится, что Шаляпин имел громадный успех и, несмотря на болезнь, пел с прежним блеском, завораживая своих слушателей артистичностью исполнения.

«Если я в жизни был чем-нибудь, — говорил о себе Шаляпин, — так только антером и певцом. Моему призванию я был предан безраздельно... Менее всего в жизни я был политиком».

Великий артист и певец был отзывчив к людской нужде, но плохо разбирался в сложных политических вопросах. На это ему не раз указывал М. Горький. Шаляпин часто участвовал в общественных начинаниях, которые возглавлял Алексей Максимович. По его совету он делал разовые взносы и отчислял сборы с концертов на нужды революционного движения и на так называемые благотворительные цели, за чем пристально следила царская охранка.

Пройдя в юности тяжелый жизненный путь, испытав нужду и лишения, он был особенно чуток и людскому горю. Известно, что Шаляпин очень любил детей. Увидев на улицах Парижа изможденных, больных русских ребятшек, он внес 5000 франков для распределения среди них.

Этот по существу благородный жест Шаляпина попал в печать, был подхвачен и ложно истолкован белоэмигрантскими кругами, как помощь не детям, а всей эмиграции (что не подтвердилось). В результате этой шумихи, а также затянувшегося пребывания за рубежом, он был лишен звания народного артиста. «Развенчивание» и «денационализация», как о том пишет в своем

письме Федор Иванович, привели его в глубочайшее уныние.

Федор Иванович Шаляпин до самой смерти жил в Париже с французским паспортом. Н. Кобцев в своих воспоминаниях передает слова аккомпаниатора Шаляпина пианиста Годзинского.

«Паспорт — французский, но только паспорт, а не гражданство! Глядя о подданстве. Видите, в ней сказано просто: «русский»... Не «эмигрант», не «натурализованный», а русский. И все! Это редчайшее исключение для иностранца! Кроме Шаляпина, такой же паспорт был еще у Рахманинова...»

Не может быть сомнений в том, что Ф. И. Шаляпин до последнего дыхания своего горячо любил Родину, почитал, как тяжело такому художнику, как он, жить вне ее пределов, что творческие силы без опоры на родную землю тают и истощаются. Об этом он неоднократно писал в Москву своей дочери Ирине Федоровне. «Горек хлеб на чужбине», — говорил Шаляпин. Он жил надеждой на день, когда вновь будет в Москве, в Большом театре.

О возвращении на Родину Шаляпину писали его друзья — М. Горький, бывший солист Мариинского театра А. М. Давыдов и другие. Жена М. Горького Е. П. Пешкова рассказывала про последнюю встречу с певцом в Париже и про его просьбу разузнать в Москве о возможности возвращения.

Однако этому так и не суждено было осуществиться. В апреле 1938 года Ф. И. Шаляпин, сномный тяжелой и продолжительной болезнью, скончался и был похоронен на парижском кладбище Батиньоль.

Андрей ТЕЛЕШОВ,
искусствовед

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА